

нѣкоторое, необходимо и на законномъ основаніи, принадлежащее имъ наслѣдство. Поэтому на четыре части раздѣливъ сорванныя одежды, одну оставляютъ цѣлою и неразорванною,—они не хотятъ разрывать поправившуюся имъ одежду, чтобы не сдѣлать ее совершенно негодною. И такъ обладаніе ею они предоставили жребію, потому что не подобаетъ ложь Христу, говорящему словами Псалмопѣвца: „раздѣлили ризы Мои себѣ и обѣ одежды Моей бросили жребіи“ (Псал. 21, 19). И это все благополезно предвозвѣщалось для того, чтобы мы, сравнивая изреченія съ совершившимися событіями, могли видѣть, что именно Онъ есть Тотъ, о Комъ предвозвѣщено, что Онъ придетъ для насъ въ нашемъ образѣ и Коего смерть ожидалась за жизнь всѣхъ. Вѣдь никто имѣющій умъ не подумаетъ, чтобы и Самъ Спаситель подобно неразумнымъ Іудеямъ позволялъ Себѣ оцѣживать комара (Матѣ. 23, 24), тоестъ предвозвѣщать малыя и мелкія страданія, на примѣръ упомянуть и о раздѣленіи одеждъ,—и поглощать какъ бы верблюда, тоестъ не удостоить особеннаго вниманія великія и чрезмѣрныя преступленія противъ религіи,—но вмѣстѣ съ тѣмъ предрекалъ и эти. И это во-первыхъ для того, чтобы мы знали, что, будучи Богомъ по природѣ, Онъ зналъ все будущее,—а потомъ, при этомъ, чтобы мы вѣровали, что Онъ дѣйствительно есть Предвозвѣщенный, посредствомъ многихъ, совершившихся надъ Нимъ, пророчествъ руководимые къ познанію истины.

Но если, по тщательномъ разсмотрѣніи, намъ можно сказать о раздѣленіи одеждъ и еще что нибудь такое, что вреда навѣрно не принесетъ совершенно никакого, а пользу можетъ быть доставить читателямъ,—то скажу конечно и это.

Раздѣливъ одежды Спасителя на четыре части, сохраняютъ одну, чѣмъ неизреченная премудрость Единороднаго какъ бы даетъ нѣкое знаменіе таинственнаго промысленія, посредствомъ коего имѣли получить спасеніе четыре части вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, четыре части вселенной какъ бы раздѣлены между собою и (въ то же время) нераздѣльно содержатъ истинно святое облаченіе Слова, тоестъ тѣло Его. Раздробляемый на отдѣльныя части и освящая душу каждаго съ тѣломъ посредствомъ Своей плоти, Единородный всецѣло и нераздѣльно пребываетъ во всѣхъ Одинъ, будучи вездѣ, ибо отнюдь не дѣлится, по слову Павла (1 Кор. 1, 13).

Такое значеніе таинства Его изображаетъ намъ и сѣнь закона. Онъ повелѣвалъ брать агнца въ назначенное для него время, и брать не такъ, чтобы у каждаго единолично былъ одинъ агнецъ, но, напротивъ, по домамъ и сообществамъ. Возметъ, сказано, каждый сосѣда и ближняго своего (Исх. 12, 4). И раздѣлять такимъ образомъ повелѣлъ на многихъ (людей одного) агнца. Но чтобы при передачѣ мяса его изъ одного дома въ другой не показалось опять, что онъ какъ будто раздѣляется благодаря этому, присоединяетъ другое повелѣніе, именно: „въ домѣ одномъ долженъ сѣдаться, не выносите мяса его вонъ“ (Исх. 12, 46). Замѣчай, какъ, согласно только что сказанному мною, даже и въ образахъ и сѣняхъ писаніе сохранило за Нимъ съ одной стороны дѣленіе на многихъ, кои могли находиться въ каждомъ домѣ, но съ другой стороны весьма заботится о томъ чтобы не представлялся раздѣляющимся, но оказывался совершенно и всецѣло какъ одинъ во всѣхъ раздѣльно и вмѣстѣ нераздѣльно. Нѣчто подобное разумѣй и объ одеждахъ Его, ибо они были раздѣ-

лены на четыре части, между тѣмъ какъ хитонъ остался не раздѣленнымъ.

Нѣтъ никакого вреда присоединить и то, что если кто пожелаетъ „хитонъ, сверху тканый и несшитый“, въ созерцательномъ смыслѣ, обратить въ указаніе на Святое Тѣло Христово, такъ какъ оно произошло безъ соитія и какъ бы нѣкоего сшитія (соединенія) мужа и жены, а дѣйствіемъ Святаго Духа и Силою Вышней соткано было въ подобающій ему видъ,— то пусть принимаетъ и такое толкованіе. Въ самомъ дѣлѣ, неужели безразсудно не только не отвергать,— но напротивъ, развѣ не слѣдуетъ одобрять, какъ изображенія тонкаго ума, такія умозрѣнія, кои не приносятъ никакого вреда главному и необходимому (въ вѣрѣ), напротивъ—содержать въ себѣ мысли, могущія быть полезными?

ХІХ, 25. Стояху же при крестѣ Иисусовѣ Мати Его и сестра Матери Его Марія Клеопова и Марія Магдалина ¹⁾.

Полезнымъ считаетъ божественный Евангелистъ упомянуть и объ этомъ, и этимъ показуя, что ни одно изъ священныхъ словъ не бесполезно. Что же опять скажемъ объ этомъ?—Изложу.

Стоящими при крестѣ вводитъ Матерь Его и съ Нею другихъ женщинъ, очевидно плачущихъ. Вѣдь женскій полъ почти постоянно плачетъ и весьма склоненъ къ рыданіямъ, особенно когда имѣетъ сильныя побужденія проливать слезы. Что же побудило блаженнаго Евангелиста вдаваться въ такую частность, какъ упоминаніе женщинъ? Его цѣлью было научить тому, что столь неожиданно случившееся

¹⁾ Мст одно ев. у креста Исова, Ал матери—Марья Клеопова, Кіев. магдалина вм. магдалы(и)ни

страданіе соблазнило, повидимому, и Саму Матерь Господа и нѣсколько отклонила Ее отъ надлежащаго представленія дѣла эта весьма жестокая смерть на крестѣ,—и при этомъ издѣвательства Іудеевъ, и сами быть можетъ находившіеся при крестѣ и смѣявшіеся надъ Повѣшеннымъ воины, предъ взоромъ Самоѣ Матери осмѣлившіеся дѣлать одежды Его. Несомнѣнно Она имѣла приблизительно такія мысли: Я родила Осмѣиваемаго на деревѣ,—и Онъ, называя Себя Истиннымъ Сыномъ Вседержителя Бога, пожалуй и ошибался и, повидимому, заблуждался, говоря: „Я—жизнь“ (Іоан. 14, 6),—какъ подвергся распятію? какимъ образомъ могли Его опутать сѣти убійць? какъ не побѣдилъ козней преслѣдователей? почему не сходитъ съ креста, хотя и повелѣлъ Лазарю возвратиться къ жизни и всю Іудею поразилъ чудесами? И весьма естественно, что, не зная тайны, Жѣнщина могла впасть въ подобныя этимъ размышленія. Правильно разсуждающіе должны понимать, что совершавшіеся событія были способны смутить и крѣпкій разумокъ. И ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, если женщина отчасти подверглась этому. Вѣдь если ужъ самъ первоверховный изъ учениковъ (*καὶ αὐτὸς ὁ τῶν μαθητῶν πρόκριτος*) Петръ соблазнился нѣкогда, при ясномъ изреченіи и ученіи Господа о томъ, что Онъ имѣетъ быть преданъ „въ руки грѣшниковъ“ и подвергнуться распятію и смерти, такъ что съ легкомысленною поспѣшностью возгласилъ: „будь милостивъ къ Себѣ, Господи; да не будетъ съ Тобою этого!“ (Матѣ. 26, 45; 16, 22),—то что удивительнаго, если болѣе нѣжный умъ женщины увлекался къ неосновательнымъ мыслямъ? Говоримъ это не по напраснымъ догадкамъ, какъ можетъ показаться кому либо, но къ такому предположенію насъ приводитъ написан-

ное о Матери Господа. Припомнимъ, что праведный Симеонъ, когда еще Младенца Господа „на руки принялъ“, по написанному,—возблагодарилъ (Бога) и сказалъ: „нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко,„ по глаголу Твоему съ миромъ, ибо видѣли очи мои Спасеніе Твое“ (Лук. 2, 28—30), и къ Самой Святой Дѣвѣ: „вотъ Сей лежитъ (назначенъ) въ паденіе и возстаніе многихъ въ Израилѣ и въ знаменіе пререкаемое,—и Тебѣ же Самой (Твою же собственную) душу пройдетъ (пронзитъ) мечъ, чтобы открылись (изъ) многихъ сердець помыслы“ (Лук. 2, 34—35). Мечомъ называлъ острую силу страданія, увлекающую умъ женщины къ неумѣстнымъ мыслямъ. Вѣдь искушенія очищаютъ сердца страдающихъ и открываютъ присущія имъ мысли.

XIX, 26—27. Исусъ же, видѣвъ Матерь и ученика престоюща, его же любляше, глагола Матери: Жено, се Сынъ Твой ¹⁾! Потомъ глагола ученику: се Мати твоя! И отъ того часа поятъ ученикъ ю во своя си ²⁾.

Не взирая на то, что Его страданія достигли послѣдняго предѣла, Онъ позаботился о Своей Матери, ибо и страдая былъ безстрастенъ. Предастъ Ее возлюбленному ученику,—то былъ Іоаннъ, писатель евангелія,—и повелѣваетъ отвести ее домой и имѣть въ качествѣ матери, а Ей въ свою очередь поручаетъ считать Своего довѣреннѣйшаго ученика не за кого другаго какъ за настоящаго сына, очевидно любовью

¹⁾ Ос матере, Ал престоюща—точнѣе, чѣмъ стояща др Ал глет точно вм гла др. Приб. своей О Мар Мир Г Мст Ал, не чит А С З Н, согл. вар.

²⁾ ОАл безъ же, др. чит. согл. греч. Ал таче глет. С А З Мар Мир Н Ал часа, ОГ дъне, согл. греч. разночт. З оп глагола. Распол. поятъ ученикъ ю у Ал вм п. ю уч согл. греч. вар. А Ю Карп ученикъ тѣ—ученикомъ согл. вар. О Ал въ своя др. въ своя си

и нѣжностью исполняющаго подобающимъ образомъ долгъ сына по природѣ.

Но, какъ полагали нѣкоторые изъ неразумцевъ, неужели Христось говорить это по плотской любви?— Отнюдь нѣтъ,—впасть въ такое безразсудство свойственно только тѣмъ, кто имѣетъ глупый умъ. Какую же пользу доставлялъ чрезъ это Христось? Во-первыхъ укажемъ на то, что Онъ желалъ подкрѣпить ученіе, пользующееся почтеніемъ и въ законѣ. Что говорить законъ Моисея? „Чти отца своего и мать свою, да благо тебѣ будетъ“ (Исх. 20, 12). И на этомъ повелѣніи не остановилъ рѣчь къ намъ, но присоединилъ угрозу намъ смертною казною, если мы не захотимъ дѣлать этого. Какъ бы въ равномъ значеніи поставилъ грѣхъ противъ Бога и противъ плотскихъ родителей. Такъ богохульника законъ повелѣлъ подвергать смертному приговору: „называющій имя Господне смертию да умретъ“ (Лев. 24, 16). Совершенно такому же наказанію подвергалъ и того, кто вооружаетъ невоздержный и необузданный языкъ свой противъ родителей: „злословящій, сказано, отца или мать смертию да умретъ“ (Исх. 21, 16). Потомъ: если ужъ законодатель требовалъ отъ насъ такую честь оказывать своимъ родителямъ, то развѣ не подобало столь достославную заповѣдь подкрѣпить и рѣшеніемъ Спасителя? И такъ какъ всякій видъ блага и добродѣтели исходитъ отъ Него перваго, то почему бы къ прочимъ не присоединился и этотъ? Вѣдь почтеніе къ родителямъ есть дѣйствительно достопочтеннѣйшій образъ добродѣтели. Поэтому не оставлять въ небреженіи любовь къ нимъ, хотя бы насъ и окружали какія-либо невыносимыя бѣдствія, откуда, скажи мнѣ, можно бы было научиться, какъ не въ первомъ и чрезъ перваго Хри-

ста? Да, дѣйствительно превосходень тотъ, кто помнитъ святаго заповѣди и не удаляетъ отъ себя достиженіе долга, не допуская этого не въ спокойное время, но въ время опасностей и невзгодъ.

Къ сказанному присоединю и то, что развѣ не подлежало Господу заботиться о Своей Матери, подвергшейся соблазну и смущенной неумѣстными мыслями? Будучи Истиннымъ Богомъ, видя движенія сердца и зная глубины, неужели не вѣдалъ смущавшихъ Ее, особенно въ то время при честномъ крестѣ, мыслей? Итакъ, зная Ея размышленія, Онъ передавалъ Ее Своему ученику, какъ наилучшему тайноводцу, могшему прекрасно и въ достаточной мѣрѣ разяснять глубину таинства? Вѣдь онъ былъ истинный мудрецъ и богословъ, который и беретъ Ее и отводитъ съ радостью, исполняя всю волю Спасителя о Ней.

XIX, 28—29. Посемъ Исусъ, вѣдый уже, яко вся совершишася, да сбудетъ писаніе, глагола: жажду ¹⁾. Сосудъ стояше оцта (уксуса) полнъ. Губу же полну оцта, на иссопъ (трость) вонзше, принесоша Ему ко устомъ ²⁾.

Когда исполнилось на Христѣ все нечестіе безбож-

¹⁾ Ас. въ 1 м *а потомъ*, Мир въ 1 м *потомъ же* Мст (Амф) *по сихъ же* согл. вар. Слав. *вѣдый Г* Ник *видѣ* Ал *видѣвъ*. Слав *яко вся уже с.* согл. греч. разночт. Мар ГМст СМир *приб. о немъ* согл. греч. разн. Ас въ 1 м *уже о немъ*. Арх *да сбудетъ писаніе* вм. *да сбудутъ книги* др Мир во 1 м *яко вся сов уже о немъ*, но во 2-мъ *яко вся уже с о немъ* согл. греч. вар. Ал *скончася, да скончається писаніе—глет.* Кир. *τελειωθη*, др. чт. *αληρωθη*—точноѣ поэтому: *да совершится или да исполнится—глаголетъ.*

²⁾ Слав. *приб. же* согл. вар *оцта полнъ* согл греч Ал вм др *полнъ оцта* соотв. сир. леш Ник. *губу же исполнь* ОЗ *напълньше Г исполньше*. Мар Мир *они же, исплъньше губу*, Ас *напълньше же г* соотв греч. вар. Ал *они же, наполнише губу оцта*. Древне Слав *на иссопъ в(б)зше(б)зше*, Ник. *вззнавше*, Конст. *позди. и на трость* изъ *парал мѣсть* Мате и Мар. *вонзше* Греч. *ἰσσίον περιθέντες*, лат *hyssopo circumponentes*—Ал. *буквально: и иссопъ обложше—иссопомъ обложивъ* Юр. Ал *принесоша ему ко устамъ*—лучше *чѣмъ* древн и теп. *придѣша къ устамъ его*

ныхъ Іудеевъ и не оставалось уже ничего для полного проявленія невыразимой жестокости, Его плоть въ концѣ опять испытываетъ нѣчто ей свойственное и природное. Изнуряемая разнообразными издѣвательствами она ощущаетъ жажду. Вѣдь тяжелыя муки способны вызывать жажду, уничтожая влагу въ тѣлесныхъ сосудахъ внутреннимъ и невыразимо сильнымъ жаромъ и сожигая внутренности страдальца сильнымъ воспаленіемъ. Всемогущему Богу Слову не трудно, конечно, было отстранить и это отъ Своего тѣла, но какъ другое все допустилъ пострадать добровольно, такъ и это терпитъ по добровольному хотѣнію. Итакъ, просилъ пить. Они же были столь немилосерды и далеки отъ любви Божіей, что вмѣсто полезнаго питья подали вредное и самое даже дѣло любви употребили для увеличенія нечестія. Въ самомъ дѣлѣ, подать пить просящему, развѣ это не представлялось однимъ изъ видовъ любви?—Но богодухновенному писанію отнюдь невозможно было сказать ложь, какъ бы отъ лица Спасителя нашего Христа говорящаго о нихъ: „и дали въ пищу Мою горечь и въ жажду Мою напоили меня укусомъ“ (Псал. 68, 22).

Но блаженный Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что подали „губку съ укусомъ, на иссопъ возложивъ“. Однакожъ Лука, не упомянувъ вообще ни о чемъ такомъ, утверждаетъ только, что подали укусъ (Лук. 23, 36). А Матвей и Маркъ говорятъ (Матѳ. 27, 48; Марк. 15, 36), что губку „возложили на тростникъ“. Въ виду этого быть можетъ кто подумаетъ, что Евангелисты разногласятъ между собою. Но никто изъ здравомыслящихъ, полагаю, не допуститъ подобной мысли. Вѣдь важно было сообщить видъ нечестія, но совѣмъ никакой необходимости не было указывать и образъ, какимъ оно совершалось. Поэтому и боже-

ственный Лука не удостоилъ упоминанія образъ подавн (губки), а говоритъ только вообще, что Ему, жаждавшему, подали уксусъ. Но несомнѣнно, что и въ столь малыхъ и незначительныхъ частностяхъ Евангелисты не противорѣчили другъ другу, хотя особенно въ главномъ они совпадаютъ и сходятся, говоря согласно другъ съ другомъ.

Въ чемъ же состоитъ различіе и какимъ образомъ оно должно устраниться?—Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что много было исполнителей нечестія на Христа, разумѣю воиновъ, кои отвели Его на распятіе. Но и весьма многіе изъ Іудеевъ участвовали въ разнаго рода жестокостяхъ. Одни подавали губку на тростникъ, а другіе на стволъ такъ называемаго иссопа,—иссопъ есть видъ растенія,—такъ предлагали питье Іисусу и, несчастные, дѣлали это на свои собственные головы. Этимъ они сдѣлали себя не заслуживающими никакой милости, лишивъ себя всякаго милосердія и человѣколюбія и столь безумными злодѣяннями соревнуя между собою въ одномъ только нечестіи. Поэтому устами Іезекіиля пророка Богъ сказалъ къ матери Іудеевъ, то-есть къ Іерусалиму: „какъ ты сдѣлала, такъ будетъ тебѣ.—воздаяніе твое воздастся на голову твою“ (Авд. 15),—и устами Исаи къ беззаконнѣйшему Израилю: „горе беззаконнику, зло по дѣламъ рукъ его приключится ему“ (Иса. 3, 11). Такимъ образомъ кромѣ всѣхъ, уже содѣланныхъ, нечестивыхъ и беззаконнѣйшихъ злодѣяннй совершенно было и это противъ Христа.

Однакоже этотъ примѣръ долженъ служить къ нашей пользѣ. Отсюда мы опять узнаемъ, что противъ имѣющихъ боголюбивое настроеніе и утвержденныхъ любовью ко Христу непрестанная должна послѣдовать война со стороны настроенныхъ противополож-

ныхъ образомъ, кои даже до послѣдняго вздоха не покинуть своего неистовства противъ нихъ, повсюду устроая сильныя искушенія и стараясь придумывать всякаго рода вредъ. Но какъ не переставалъ трудъ, непрестаннымъ будетъ и продолжительность блаженства. И какъ не прекращались мученія и скорбь отъ искушеній, такъ не престануть и блага святыхъ, но пребудетъ и останется постоянною благодать славы.

XIX, 30. Егда же пріять оцетъ (уксусъ) Исусъ, рече: совершися. И преклонь главу преда духъ ¹⁾.

Послѣ этого сообщенія, присоединеннаго къ прочимъ повѣствованіямъ, Спаситель говоритъ, что „окончилось“, разумѣется крайнее нечестіе Іудеевъ и чрезмѣрное ихъ безумство противъ Него. Въ самомъ дѣлѣ, что еще было не совершено Іудеями? Какой видъ крайняго безчеловѣчія не былъ придуманъ? Какой образъ издѣвательства былъ оставленъ? Что оказывались они оставившими безъ осуществленія въ проявленіи крайняго оскорбленія? Поэтому справедливо говорить, что „окончено“, — и время уже призывало къ тому, чтобы проповѣдать и самимъ, находившимся въ адѣ, духамъ (1 Петр. 3, 19). Въдь Онъ пришелъ для того, чтобы обладать живыми и мертвыми (Римл. 14, 9),—и самую смерть принялъ за насъ и общему для нашей природы этому состоянію (смерти) подвергся, очевидно по плоти, будучи жизнью по природѣ какъ Богъ, чтобы, опустошивъ адъ, устроить человѣческой природѣ восхожденіе къ жизни, „на-

¹⁾ О *егда же* *убо*. Арх. въ 1 ев. и *егда убо*, прочіе *егда же* соотв. греч. *ἔτε ὅτι*. Юр Арх въ 1 ев. *възя*. Ас Ал *оцетъ*, О Юр Ник *оцѣтъ*, Мар Мир Г *оцѣта*.—ЗМар ГН *свършися*, Ал *скончася*—точно соотв. греч. *τετέλεσται*, прочіе: *совършишися*, Мст приб. *въся* Древн. *предастъ*, Добр. 1 ев *испусти* (ср. слѣд примѣчаніе)

чаткомъ умершихъ“ (1 Кор. 15, 20) и первороднымъ изъ мертвыхъ явившись (Кол. 1, 18), по писаніямъ.

Итакъ, склонилъ главу, какъ это обычно бываетъ съ умершими, по причинѣ прекращенія дѣятельности тѣлесныхъ силъ, съ удаленіемъ уже изъ плоти управляющаго ею и укрѣпляющаго ее духа или души,— такъ выразился Евангелистъ примѣнительно къ нашей рѣчи. Точно также не чуждо нашему обычному образу рѣчи и другое выраженіе: „*предалъ духъ*“, ибо такъ народъ говоритъ: угасъ и умеръ.

И, кажется, съ нѣккою опять необходимою цѣлью святой Евангелистъ сказалъ не просто, что „умеръ“, но что „*предалъ духъ*“, очевидно въ руки Бога и Отца, согласно сказанному какъ бы отъ лица Его: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой“ (Псал. 30, 6 ср. Лук. 23, 46). И для насъ самихъ смыслъ этихъ словъ полагалъ основаніе и начало благой надежды. Должно, полагаю, думать, и съ полною основательностью, что души святыхъ, уходя изъ земныхъ тѣлъ, благостію и человѣколюбіемъ Божиимъ какъ бы предаются въ руки вселюбящаго Отца, а отнюдь не бродятъ около памятниковъ въ ожиданіи погребальныхъ возліяній, какъ предполагаютъ нѣкоторые изъ невѣровъ, но и не извергаются, какъ души грѣхолобцевъ, въ мѣсто ужаснѣйшаго наказанія, тоестъ въ адъ. Напротивъ, онѣ устремляются въ руки Отца всего, такъ какъ и этотъ путь обновилъ намъ Спаситель нашъ Христъ. Вѣдь Онъ предалъ въ руки Своего Родителя душу Свою, чтобы и мы, получивъ какъ бы въ ней и чрезъ нее начало, имѣли свѣтлую надежду, при твердомъ убѣжденіи и вѣрѣ въ то, что, подвергшись плотской смерти, будемъ находиться въ рукахъ Бога и въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ когда были съ плотью. Поэтому и премудрый Павелъ пишетъ намъ

въ посланіи, что лучше разрѣшиться и со Христомъ быть (Филип. 1, 23).

(XIX, 30. *Когда же испустилъ духъ, раздралась завѣса храмовая посрединѣ отъ верха до низа (Матѳ. 27, 51; Мар. 15, 38; Лук. 23, 45) ¹⁾.*

Находившаяся въ храмѣ *завѣса* была полотнищемъ, спускавшимся цѣликомъ и непрерывно на самую средину внутри зданія и закрывала его внутреннюю (заднюю) часть, дѣлая внутреннюю скинью доступною одному только первосвященнику, ибо не позволялось всякому желающему нечистыми ногами вторгаться внутрь ея и неосторожно видѣть святое святыхъ. Такъ и Павелъ, показывая намъ полнѣйшую необходимость раздѣленія скинии посредствомъ завѣсы, сказалъ въ посланіи къ Евреямъ: „скинія вѣдь устроилась первая, что называется „Святое“. А за второю завѣсою—скинія, называемая „Святое Святыхъ“, золотое имѣвшая кадилище и ковчегъ завѣта, покрытый отовсюду золотомъ, гдѣ (были) сосудъ золотой, имѣвшій манну, и скрижали завѣта, и жезлъ Аарона расцвѣтшій“ (Евр. 9, 2—4). Но „въ первую“, говорить, „скинию входятъ священники, богослуженія совершающіе, а во вторую—одинъ первосвященникъ однажды въ годъ, не безъ крови, что приносить за себя и за грѣхи народнаго невѣдѣнія, чѣмъ указываетъ Духъ Святой (на то), что еще не открытъ (былъ) въ Святое путь, пока еще первая скинія имѣла существованіе“ (Евр. 9, 6—8), ибо въ первыхъ дверяхъ храма, несомнѣнно, распростиралась завѣса. Поэтому и считалась за первую скинью и называлась Святое. Никто, безъ сомнѣнія, не станетъ въ виду этого

¹⁾ Не чит. въ автор. но есть въ нѣк мин Сир іер и геракл въ астер и н нѣк. лат. Слав. точно: *издше*

утверждать, чтобы въ храмѣ было какое либо мѣсто несвященное,—онъ ошибается, такъ какъ весь (храмъ) былъ святъ. Послѣ же первой скиніи находившаяся внутренняя завѣса образовывала какъ бы вторую, то-есть внутреннюю, Святое Святыхъ. Но, какъ блаженный Павелъ сказалъ, посредствомъ этихъ прообразовъ Духъ указывалъ намъ на то, что не былъ открытъ вполне подобающій святымъ путь, такъ какъ народъ еще устранился и существовала первая скинія. Это потому, что дѣйствительно еще не проявлялся образъ жизни, данной Христомъ призваннымъ чрезъ Духа къ святости,—еще не открыта была тайна о Немъ, еще имѣла силу заповѣдь, заключенная въ буквахъ. Поэтому то законъ и помѣщаетъ Іудеевъ въ первую скинію. Вѣдь законъ есть какъ бы нѣкое предвхожденіе и, такъ сказать, преддверіе евангельскаго ученія и жизни. Тотъ (законъ) состоитъ въ прообразахъ, а это (евангеліе) взираетъ на Истину. Конечно свята и первая скинія, ибо святъ законъ и заповѣдь справедлива и добра (Римл. 7, 12), но святая святыхъ есть внутренняя скинія, ибо, будучи святыми, получившіе праведность по закону становятся святѣйшими, принявъ вѣру во Христа и помазаніе отъ божественнаго и Святаго Духа. Такимъ образомъ праведность чрезъ вѣру выше законной и святость гораздо больше. Поэтому и премудрѣйшій Павелъ говорить, что съ величайшею радостью и полною готовностью терпитъ ущербъ въ праведности подзаконной, что пріобрѣсти Христа и оказаться „въ Немъ не имѣющимъ собственной праведности, что въ законѣ, не (имѣющимъ ту), что чрезъ вѣру Іисуса Христа“ (Филип. 3, 8—9). Такъ нѣкоторые отступали (нѣкогда) назадъ и въ охотномъ движеніи своемъ (къ вѣрѣ) были останавливаемы,—это—Галаты, послѣ

праведности чрезъ вѣру возвратившіеся къ заповѣди закона и снова обротившіеся къ жизни въ образахъ и буквяхъ, коимъ Павелъ со всею справедливостію засвидѣтельствовалъ, „что ежели обрѣзываетесь, Христосъ вамъ ни въ чемъ не будетъ полезенъ,—отдѣлились отъ Христа вы, кои въ законѣ оправдываетесь,—отъ благодати отпали“ (Гал. 5, 2, 4).

Но, чтобы съ пользою и должнымъ образомъ раскрыть намъ смыслъ даннаго мѣста, (укажемъ на то, что) разрывается „*храмовая завѣса отъ верха до низа*, такъ какъ Богъ какъ бы уже открывалъ Святое Святыхъ и внутреннюю скинію дѣлалъ наконецъ доступною для вѣрующихъ во Христа. Вѣдь намъ предложить уже знаніе божественныхъ тайнъ, не облеченное грубостію законной буквы, какъ бы завѣсою какою, и не имѣющее историческаго покрывала или воздвигающее предъ нашими духовными очами, какъ бы стѣну, неясность прообразовъ, но въ простотѣ вѣры и въ совѣмъ немногихъ словахъ говорить: „близъ вѣдь тебя слово есть, въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ, то есть слово вѣры, что проповѣдуемъ, потому что ежели скажешь устами твоими: Господь Іисусъ, и увѣруешь въ сердцѣ твоемъ, что Богъ воздвигъ Его изъ мертвыхъ, спасешься, ибо сердцемъ вѣруется въ праведность, а устами исповѣдуется въ спасеніе“ (Рим. 10, 8—10).

Да, въ этихъ словахъ намъ открывается вся тайна религіи. Но дотолѣ, пока Христосъ, совершивъ подвигъ борьбы за нашу жизнь, не подвергся плотской смерти, какъ бы еще распростиралась *завѣса*, ибо господствовала еще заповѣдь закона. А такъ какъ всѣ злодѣйства надъ Христомъ со стороны іудейскаго нечестія были окончены и, претерпѣвъ это, Еммануиль наконецъ испустилъ духъ ради насъ, то настало уже

время разорваться наконецъ той древней и широкой завѣсѣ, то-есть неподвижности законной буквы и открыться красотѣ истины для освященныхъ вѣрою во Христѣ.

Разрывается же вся цѣликомъ завѣса, ибо выраженіе „сверху до низу“ развѣ можетъ указывать намъ на что либо другое кромѣ этого? По какой же это причинѣ? По той, что спасительная проповѣдь содержитъ въ себѣ не частичное откровеніе, но сообщаетъ намъ совершеннѣйшее освѣщеніе божественныхъ тайнъ. Посему и Псалмопѣвецъ сказалъ однажды къ Богу, какъ бы отъ лица новаго народа: „тайны и сокровенности премудрости Твоей явилъ Ты мнѣ“ (Псал. 50, 8),—также и божественный Павелъ пишетъ въ посланіи къ увѣровавшимъ во Христа: „благодарю Бога моего всегда о васъ за благодать, данную вамъ во Христѣ Иисусѣ, потому что во всемъ обогатились вы чрезъ Него, во всякомъ словѣ и во всякой премудрости и во всякомъ знаніи“ (1 Кор. 1, 4—5). Такимъ образомъ завѣса, разодравшаяся не частично, но вся цѣликомъ, указывала на то, что поклонники Спасителя, принявъ знаніе тайны о Немъ совершенно чистое и свободное отъ всякой темноты, должны были обогатиться всякою премудростью, и всякимъ знаніемъ, и всякимъ словомъ. Это означаетъ „сверху до низу“. Самымъ соотвѣтственнымъ и болѣе всего надлежащимъ временемъ для откровенія божественныхъ тайнъ мы называемъ то, когда Спаситель положилъ за насъ душу Свою, такъ какъ Израиль уже оттолкнулъ отъ себя благодать и всецѣло удалился отъ любви къ Богу, чрезъ свои безумства противъ Него и неслыханныя злодѣйства. И дѣйствительно, каждый, увидавъ Начальника жизни доведеннымъ даже до смерти, пойметъ отсюда, что ничего болѣе уже не оставалось для злодѣяній ихъ.

Уже сказаннаго нами считаю достаточнымъ и въ разъясненіи божественныхъ откровеній не отступающимъ отъ надлежащаго смысла. Но такъ какъ божественный Евангелистъ съ какою то особенною предумотрительностью оказывается говорящимъ это: „*когда же испустилъ духъ, разорвалась завѣса храма*“,—вѣдь этимъ необходимо указывается намъ на своевременность этого событія,—то къ только что сказанному нами присоединимъ и другое соображеніе, имѣющее, какъ мнѣ кажется, не мало тонкой проницательности, которое притомъ окажется отнюдь не лишеннымъ пользы и пріятности необходимыхъ предметовъ.

Итакъ у народа іудейскаго и его начальниковъ господствовалъ такой обычай. Если они замѣчали совершеніе чего либо такого, что казалось сильно оскорбляющимъ Законодателя, или слышали что нибудь ужасное, разумѣю слова, содержащія въ себѣ богохульство, то разрывали одежду и принимали скорбный видъ, нѣкоторымъ образомъ оправдываясь чрезъ это предъ Богомъ и чрезъ то, что казались не могущими сносить этого, опредѣляя прегрѣшавшимъ наказаніе за безумство и свою собственную голову какъ бы ставя въ всякой отвѣтственности за это. Такъ и ученики Спасителя, именно Варнава и Павелъ, когда нѣкоторые изъ неувѣровавшихъ еще, считая ихъ за боговъ, „ибо называли Варнаву Зевсомъ, а Павла Гермесомъ“ (Дѣян. 14, 12), вмѣстѣ съ жрецами принесли жертвы и вѣнки, намѣревались уже почитать ихъ и жертвами, то бросившись изъ дома (въ толпу), такъ какъ наносилось оскорбленіе божественной славы, если бы простымъ людямъ принесены были жертвы, разорвали одежды свои, какъ написано (Дѣян. 14, 13—14), и безразсудное намѣреніе идолопоклонниковъ отклоняли надлежащими словами. И когда наставники іудейскіе